

*И свою кровью склеит
Двух столетий позвонки...*

И. Мандельштам

Феномен Санкт-Петербурга – призрачного города белых ночей, воздвигнутого среди лесов и болот державной волей Императора, уже три века не сходит со страниц литературы. Сам герб Санкт-Петербурга, перекликающийся с гербом Ватикана, относит нас к идее России как Третьего Рима. Два перевёрнутых и скрещенных якоря символизируют ключи от земного и небесного царств, лежащий на якорях скипетр с двуглавым орлом – символ императорской власти, корона, венчающая герб, – знак Божественного помазания на царство. При закладке основной святыни города – собора Святых Петра и Павла, в его основание были положены мощи Св. Апостола Андрея Первозванного, принесшего свет христианства в славянские земли. Герб новой столицы был обвит голубой Андреевской лентой.

Город ещё строился, а Пётр уже спешил перенести в него мощи защитника русских земель, благоверного князя Александра Невского. Замышлялся не столько «Новый Амстердам», а духовная столица Российской Империи, город промышленности, науки и искусства. Но провидению было угодно, что самой почитаемой святой города стала женщина, нищенка, юродивая Ксения, кото-

рая после смерти мужа раздалась своё имущество нищим, а сама бродила по улицам в лохмотьях и питалась подаянием. Часовня над её могилой на Смоленском кладбище чудом уцелела в десятилетия большевистской смуты, и сегодня туда нескончаемым потоком идут люди за помощью в своих бедах.

Буквально в нескольких десятках метрах от часовни находится очень скромная могилка другой петербурженки, жившей в нашем городе почти через столетие после Св. Ксении, писательницы Лидии Чарской. По свидетельствам современников Лидия Чарская была самой популярной писательницей начала XX века среди детей и юношества России. В школьных библиотеках по спросу на книги Л. Чарскую опережал только А. Пушкин, хотя писательница не входила в программу.

Автор статьи не является ни профессиональным литературоведом, ни лингвистом, моя специальность – теоретическая физика, немного – философия. Цель этой работы – не разбор творческой манеры и стиля Л. Чарской, а анализ причин, почему писательница, сумевшая найти волшебные ключи к душам подростков, проповедовавшая самые высокие нравственные идеалы, была выброшена «за борт корабля современности».

Немного биографии – за более подробными сведениями я отсылаю читателя к прекрасным работам московского литературоведа Е.П. Трофимовой, которые можно легко найти в интернете. Писательница Лидия Алексеевна Чурилова, известная под псевдонимом Чарская, родилась в 1875 году в Санкт-Петербурге. Её биография – в её книгах. Лида Воронова, а такова девичья фамилия писательницы, родилась в дворянской семье, воспитывалась тётушками и отцом, поскольку мать её умерла при родах. Детские годы Лиды Вороновой проходили в Шлиссельбурге и в Царском Селе с «папой Алёшей» и тётками – родными сёстрами матери. В семье её очень любили и, конечно, баловали.

Она прекрасно плавала, правила лодкой, любила ездить верхом на пони. Любовь родных, которые души в ней не чаяли, сглаживала отсутствие матери. Маленькая девочка была очень впечатлительной, откровенной и открытой натурой, и всю свою привязанность она перенесла на отца.

Когда Лиде исполнилось восемь лет, отец женился на молодой женщине и уклад семейной жизни сильно изменился. Девочке было сложно приспособиться, и Лиду решено было отдать в Павловский женский институт, находившийся на Знаменской улице²,

² Знаменская ул. в Петербурге ныне ул. Восстания. (Прим. ред.)

Маленькая Лидия с няней

Лидия, 7 лет.

д. 8, в котором она проучилась семь лет и закончила в 1893 году. Особенности обучения в закрытом женском учебном заведении – интенсивная учебная нагрузка, становление мировоззрения, воспитание личностных качеств, самодисциплины и чувства товарищества стали в будущем основными темами творчества Лидии Чарской.

Сразу после окончания Павловского института Лидия выходит замуж за офицера Бориса Чурилова. Незадолго до рождения ребёнка поручику Борису Чурилову вышел приказ отправиться по службе в северную часть Сибири.

После родов супруги, повинувшись воинскому долгу, он уехал к месту службы. Судьба распорядилась так, что они более не виделись. У Лидии Алексеевны началась трудная жизнь, полная борьбы и лишений. Она поступает на театрально-драматические курсы, подрабатывает участием в любительских спектаклях.

В 1898 году Лидию приняли на вакансию в Императорский театр (известнейшую Александринку), одну из большого числа претенденток. Здесь и появился её псевдоним Л. Чарская, от слова «чарующая». Днём и вечером Чарская была занята на репетициях и в спектаклях, а ночами придумывала сюжеты своих книг, писала прозу и стихи: сочинительство неудержимо влекло её уже с детских лет.

Литературная слава пришла внезапно. В поисках приработка в качестве переписчицы, она отдала в качестве образца почерка свой институтский дневник в издательство Вольфа. Через неделю она получила от издательства письмо с предложением напечатать эти дневники в виде книги и обещанием немислимого для неё гонорара в 100 рублей. В 1901 году в журнале издательства появилась её первая повесть «Записки институтки» и началось триумфальное шествие: до 1918 года ею было написано более сотни повестей и романов, не считая большого количества стихотворений и журнальных публикаций.

Л. Чарская «стала властительницей сердец и дум» нескольких поколений русских детей. В 1929 это подтвердит известный русский писатель Ф. Сологуб: «Популярность Крылова в России и Андерсена в Дании не достигла такой пылкости. И это было вполне заслужено Чарской».

Е. Трофимова пишет о Л. Чарской: «Писательница буквально пленила своих читателей лиризмом, чистосердечностью и чётким ориентиром на нравственные основы, которые однозначны и не подлежат сомнению. Верность, честность, любовь к ближнему – незыблемые ценности, они всегда победят и принесут свои плоды. Причём в обыденной жизни эти качества ещё более необходимы, так как быть терпеливым, исполнять законы добра, любви и уважения каждодневно труднее, нежели совершить героический поступок в экстремальной ситуации: ведь в такой момент может сработать лишь темперамент, а не моральные установки и принципы».

Этими книгами ребята и юношество зачитывались, но не менее популярными были её исторические произведения, героями которых были люди, беззаветно любящие Отечество и свободу («Под звон вечаго колокола», «Светлый воин», «Царевич – орлёнок» и др.)

Лидия, юность.

Лидия Чарская,
театральная фотография.

Книги Лидии Алексеевны переводились на английский, французский, немецкий, чешский и другие европейские языки. В 1910 году была учреждена для гимназистов стипендия её имени. Все высокие моральные качества героев имели твёрдый, неколебимый фундамент – веру в Бога. Не может быть зла во имя добра. Но вспомним пророчества Ф. Достоевского о грядущих «бесах».

Мы будем в дальнейшем следовать весьма тонкому замечанию предстоятеля РПЦЗ митрополита Виталия о том, что характер личности автора той или иной публикации гораздо важнее красоты и изящества стиля и прочих литературных достоинств. Каков источник, такова и вода. Поэтому в дальнейшем, даже рискуя утомить читателя обилием цитат, постараемся дать слово той эпохе,

услышать голоса её героев. Как говорится, что написано пером..

Первая ироническая рецензия на книги Л. Чарской появилась в 1905 году в журнале «Зритель» за подписью В. Воровского. В ней высмеивались некие кисейные барышни, «цыпочки», запертые в институтских клетках. Немного об авторе публикации. Вацлав Воровский родился в семье обрусевших поляков. Образование получил в средней школе при лютеранской церкви. В школе писал антиправительственные стихи, выступал с речами на нелегальных собраниях учащихся. В революционном движении – с 1894 года. В 1905 году приехал из-за границы в Санкт-Петербург, сотрудничал в большевистских газетах и журналах, занимался закупкой оружия для боевых дружин. После прихода большевиков к власти – полпред в Скандинавии. В 1919 году (в связи с объявленной Антантой блокадой Советской России) возвратился в Москву. После отъезда Воровского из Швеции на счетах советского представительства в местных банках находилось около 10 млн. крон, а на личном счёте Воровского – почти 1,8 млн. крон. После большевистского переворота занял пост заведующего Государственным издательством, т.е. определял политику в области литературы. Воровский выступил одним из инициаторов гонений на Русскую православную церковь. В 1923 году был включён в

Наследие Чарской

Больше восьмидесяти книг написала Л. Чарская. В её сказках и повестях всегда счастливый конец. Её герои, пройдя путь испытаний, горя и разочарований, побеждают.

состав советской делегации на Лозаннской конференции и выехал в Лозанну (Швейцария). 10 мая был убит в ресторане отеля «Сесиль» в Лозанне бывшим белогвардейским офицером, швейцарским гражданином Морисом Конради, потерявшим родных во время революции в России.

Застрелив Воровского и ранив двух его помощников, Конради отдал револьвер метрдотелю со словами: «Я сделал доброе дело – русские большевики погубят всю Европу... Это пойдёт на пользу всему миру». Конради и его сообщник Аркадий Полуниин были

Лидия Алексеевна Чарская

оправданы большинством в девять против пяти голосов присяжных. После того, как более 70 свидетелей рассказали суду о большевистских преступлениях, суд счёл убийство Воровского справедливым актом. Освещавший процесс русский эмигрантский писатель М. Арцыбашев писал в этой связи: Воровский был убит не как идейный коммунист, а как палач... Убит как агент мировых поджигателей и отравителей, всему миру готовящих участь несчастной России.

Следующая, довольно обширная, издевательская статья о книгах Чарской была опубликована в газете «Речь» в сентябре 1912 года за подписью будущего всенародного любимца, лауреата государственных премий и кавалера многих орденов Корнея Чуковского. В манере бульварной жёлтой прессы Чуковский громогласно объявляет Чарскую гением, но гением пошлости. Вот цитата из этой статьи:

«Чарская может с умилением рассказывать, как в каких-то отвратительных клетках возвращают ненужных для жизни, запуганных, суеверных, как дуры, жадных, сладострастно-мечтательных, сюсюкающих, лживых истеричек. Вся эта система как будто нарочно к тому и направлена, чтобы из талантливых, впечатлительных девочек выходили пустые жеманницы с куриным мировоззрением и опустошённой душой. Не будем же слишком строги к обожаемой Лидии Алексеевне!».

И так пишется о русских женщинах, которые растили самоотверженных, по-настоящему благородных защитников родины, выжили в ужасе большевистских репрессий, сохранили и воспитали сыновей и дочерей. Моя бабушка, воспитанница Ксенинского института в Санкт-Петербурге, говорила, что их научили главному – умению жить достойно. А что важнее для формирования личности?!

Откуда такой задор у начинающего журналиста, не имевшего даже гимназического образования? Кто заказчик? Из биографии: Николай Корнейчуков, позже взявший себе литературный псевдоним «Корней Чуковский», родился в Санкт-Петербурге 19 (31) марта 1882 года у крестьянки Екатерины Осиповны Корнейчуковой. Его отцом был потомственный почётный гражданин Эммануил Соломонович Левенсон, в семье которого служила прислугой Екатерина. Вскоре после рождения Николая отец оставил свою незаконную семью, женился «на женщине своего круга», а мать Чуковского была вынуждена переехать в Одессу. Николая отдали в детский сад мадам Бехтеевой, о пребывании

в котором он оставил следующие воспоминания: «Мы маршрутировали под музыку, рисовали картинки. Самым старшим среди нас был курчавый, с негритянскими губами мальчишка, которого звали Володя Жаботинский, (в будущем – один из лидеров сионистского движения и основателей еврейского государства). Вот когда я познакомился с будущим национальным героем Израиля – в 1888 или 1889 годах!!!». Какое-то время будущий писатель учился во второй одесской гимназии. Окончить гимназию Чуковскому так и не удалось: из пятого класса его отчислили, по его собственным утверждениям, из-за низкого происхождения. Юношу всё время преследовала обида на его «незаконнорожденность» и отсутствие отчества в документах. Отчество «Иванович» было им взято в качестве псевдонима, как и имя «Корней». С 1903 по 1904 году по заданию одесской газеты он был командирован в Англию. Из-за слабого знания английского языка в корреспондентской работе он не преуспел, зато познакомился с огромным пластом шуточной детской литературы, сюжеты которой, а то и прямые пересказы (например, «Доктор Айболит») стали основой его творчества.

В статье Александра Бурьяка «Корней Чуковский как феномен на русско-еврейском пограничье» написано, что «какую бы политическую позицию ни занял “полукровка”, “чистопородные” и слабосмешанные будут видеть в ней влияние полукровности, объяснять ею тот или иной его выбор. Психологически комфортно ему будет только среди таких же полукровок, как он сам».

Поэтому переехав в Петербург, в поисках своего места в литературной жизни, Чуковский сблизился с кругом диссидентствующих, антиправославных журналистов, наводнивших печатные издания того времени. Здесь были не важны ни образование, ни происхождение, главное – бойкое перо.

Столь подробное внимание к дореволюционным «критикам» Л. Чарской обусловлено интересом к принципам отбора будущих мэтров советской литературы. Очень ёмко об этом времени написал наш великий русский композитор Георгий Свиридов: «Истребление нации началось буквально на другой же день после злосчастного Октябрьского переворота. Революция была не столько социальной, сколько религиозно-национальным переворотом... Воскрешение древних дохристианских идей – религиозного истребления целых народов...».

Цитата из И. Солоневича: «Революцию делают не массы, а подонки масс. Точно также, что революцию возглавляет не интеллигенция, а подонки интеллигенции. Основной технический при-

ём всякой революции заключается в объединении и организации подонков» ...

Уместно привести и ряд цитат из «трудов» вождя «пролетарской» революции:

«...Всякий божеденька есть труположество...» или: «Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ» и, наконец: «Всякая религиозная идея о всяком божеденьке, всякое кокетничанье с божеденькой есть невыразимейшая мерзость... самая опасная мерзость, самая гнусная зараза». Далее – руководство к действию: «Законы, мораль, религия – всё это... не более как буржуазные предрассудки; коммунизм отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность буржуазной эпохи, ибо коммунистическая революция есть самый решительный разрыв... с идеями, унаследованными от прошлого». И совсем конкретные указания бывшего юриста:

1 мая 1919 г. № 13666/2.

Председателю ВЧК тов. Дзержинскому Ф.Э.

УКАЗАНИЕ

В соответствии с решением ВЦИК и Сов. Нар. Комиссаров необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатать и превращать в склады. Председатель ВЦИК Калинин, Председатель Сов. Нар. Комиссаров Ульянов (Ленин)».

Вот так: беспощадно расстрелять всех православных священников, превратить в склады все православные храмы: «...Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас». 17 мая 1922 г.³

«... я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» Ленин, 26 августа 1921 г.⁴

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 190.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 53. С. 142.

Чудовищный геноцид целых сословий и уничтожение религии и национальной культуры, осуществлённый в России, для своего исполнения требовал соответствующих кадров, не связанных ни с православием, ни с монархией, ни с национальными ценностями. Слава Богу, задача анализа национального и классового состава большевистской когорты давно решена в огромном количестве исследований, опубликованных в нашей стране и за рубежом. Одной из важнейших задач диктатуры было воспитание в соответствующем духе нового поколения. Печатное слово явилось первоочередным объектом внимания властей. 21 мая 1919 года было обнародовано «Положение ВЦИК о Государственном издательстве». Руководителем Госиздата был назначен уже упомянутый нами Вацлав Воровский. Госиздат стал государственным органом и выполнял централизованные цензурные функции всей издательской отрасли. Без разрешительной визы не могло появиться ни одно печатное произведение, вплоть до почтовой марки, визитной карточки, спичечной наклейки или приглашительного билета. Стояла задача в области художественной литературы, искусства, театра и музыки ликвидировать всё, что направленно против советского строительства. В эти годы окончательно сложилась многоуровневая система цензуры – от самоцензуры до партийного контроля цензорского аппарата. Цензурному запрету были подвергнуты не только любые произведения репрессированных авторов, но даже упоминания о них. С 1919 стали издаваться «Списки книг, подлежащих изъятию из библиотек и книготорговой сети». Естественно, что Лидия Чарская всегда состояла в этих списках с пометой: «Изъять всё».

Что же требовала власть от новой детской литературы. Старую детскую литературу надо уничтожить. Потому что она (о ужас!) соответствовала целям русского государства. Слово основоположникам новой, советской.

К. Чуковский: «Нашим нынешним детским книгам надо противопоставить тогдашнюю (т.е. дореволюционную русскую – В. М.) детскую литературу для масс. Об этой детской литературе для масс принято теперь говорить очень много плохого, но самое плохое в этом отношении ещё не указано. Раньше всего необходимо сказать, что она была вся продажна и за планомерное развращение детей получала от правительства деньги...» Пушкина, Ершова, Аксакова, Мамина-Сибиряка, да и весь пласт русских сказок – за борт. Но к Чарский – особое внимание. «Чарскую нельзя трактовать (как её трактуют теперь) как пошлую романтическую инсти-

гутку. Чарская отравляла детей сифилисом милитаристических и казарменно-патриотических чувств. “Победа русского оружия”, “мощный двуглавый орёл”, “русские молодецкие груди”, “обожжаемый русский монарх” – это было у неё на каждом шагу...». И немного личного: В «Дневнике» Чуковского читаем запись от 5 сентября 1922 года: «Вчера познакомился с Чарской. Боже, какая убогая! Дала мне две рукописи – тоже убогие! Интересно, что пишет малограмотно (и это заявляет недоучившийся гимназист! – В. М.). Или она так изголодалась? Ей до сих пор не дают пайка. Она, автор 160 романов, и не удостоилась. ... Бормочет чепуху и, видно, совсем не понимает, откуда у неё такая слава».

Конечно, основным врагом новой безбожной власти оставалось Православие. Наверное, впервые в мировой истории государством был создан «Союз безбожников». Под эгидой этой организации выходили разнообразные антирелигиозные издания (газета «Безбожник», журналы «Безбожник», «Антирелигиозник», «Воинствующий атеизм», «Деревенский безбожник», «Юные безбожник» и другие на различных языках народов СССР), организовывались массовые мероприятия, – лекции, демонстрации, диспуты, «антирелигиозные пасхи». Общество имело десятки тысяч первичных ячеек на заводах, фабриках, в колхозах, в учебных заведениях. К 1936 году численность организации превысила 5 миллионов человек, в отрядах юных безбожников состояло более 2 миллионов детей. Атеизм впервые стал профессией.

На состоявшийся в 1929 году II съезд Союза безбожников прибыло 1200 делегатов. С речами на съезде выступили Бухарин, Луначарский, Горький, Бедный, Маяковский. Съезд продемонстрировал непримиримую позицию по отношению к религии. Маяковский закончил свою речь призывом: «Товарищи, обычно дореволюционные ихние собрания и съезды кончались призывом „с Богом“, — сегодня съезд кончится словами „на Бога“. Вот лозунг сегодняшнего писателя». Л. Чарская, говорившая – « всегда ходила в церковь и буду ходить» – не имела шансов встроиться в новую литературу.

В 1934-м состоялся «съезд победителей»: XVII съезд ВКП(б), возвестивший миру о победе генеральной линии партии в построении социализма. Правда, в будущем 1108 из 1966 делегатов партийного съезда были репрессированы, и из 139 членов и кандидатов в члены ЦК уцелели только 41. Начиналась большая чистка. Стиль эпохи создался в том единственном на свете городе, который «слезам не верит».

Окончательное идеологическое выражение литературная политика Страны Советов получила в том же 1934 году на Первом съезде советских писателей. Чтение стенограмм съезда повергает сознание в состояние абсурда – только у Кафки и Оруэлла встречается подобное. Всё было расписано, как по нотам. Манифесты, приветствия колхозниц и шахтёров, резолюции, принятие устава Союза писателей. Всё делалось с оглядкой на вечность.

Председательствовал на съезде сам «буревестник революции» – М. Горький. Биография А. Пешкова в общих чертах известна по школьным учебникам. Некоторые детали: в детстве Алексею довелось трудиться в иконописной мастерской. В юношеском возрасте он увлекался философией Фридриха Ницше и в 1887 году пытался покончить с собой. Причиной попытки самоубийства был духовный и душевный разлад. В 1891 году Алексей уходит бродяжничать. В Куряжском монастыре, что под Харьковом, он встретился с Иваном Сергиевым – будущим Св. праведным Иоанном Кронштадтским. Описание их краткой встречи Горьким сделано через тридцать лет в литературном приложении к газете «Накануне» №29, 1922, 30 апреля. «...Меня крутил по земле вихрь сомнений, я ходил среди людей полуслепой, не понимая смысла их жизни, ... почти до безумия изумлённый их глупостью и жестокостью, ... не находя нигде ответов на острые вопросы, ...». Это состояние души не укрылось от праведного старца. Горький привёл в очерке простое вразумление, сказанное ему святым прозорливцем: «Церковь говорит тебе: зло – от дьявола, и ты или веришь этому – благо тебе, или не веришь – тогда погиб<...> Я знаю <...> ты возмутитель жизни, ты ходишь, возмущая людей<...> Видел я таких, людям помогать хотите, а себе помочь не можете!... Бог наш чистоты и ясности душевной требует, а вы засоряете души ближних хитростями словосплетений дьявольских...».

О последних предсъездовских деяниях великого пролетарского писателя.

В 1933 году организовал поездку обширной писательской делегации по строящемуся Беломор-Балтийскому каналу, результатом которой стала вышедшая в 1934 книга очерков. Заканчивалась она панегириком Горького ОГПУ – как он выразился – школе воспитания нового человека. Автор текста был в этих местах. Что-нибудь более чудовищное по садисткой жестокости, чем строительство этого канала, трудно даже представить. До сих пор в окрестностях канала находят рвы с телами тысяч людей, замученных и убитых в те страшные годы.

Чуть ранее Горький вместе с театральным режиссёром В. Мейерхольдом, архитектором Б. Иофаном и другими подобными «деятелями культуры» подписал письмо в адрес власти с просьбой уничтожить храм Христа Спасителя, построенный в честь победы русского народа над армией Наполеона в 1812 году. Пятого декабря 1931 года главный православный храм России был взорван. Плиты с именами героев Отечественной войны 1812 года были раздроблены, и крошками от них были посыпаны дорожки в парках Москвы.

Личная жизнь Горького: был женат на Екатерине Павловне Волжиной, в замужестве – Пешковой, сотруднице Международного Красного Креста. Сын – Максим Пешков (1896–1934). Его внезапную смерть объясняли, как и смерть Горького, отравлением. Кстати, это обвинение, предъявленное тогда наркомку Ягоде, до сих пор не снято. Черета женщин. Наиболее известна «друг» Горького Мария Андреева, актриса Московского художественного театра. Завершает список Мария Закревская. Это она, выполняя задание ГПУ, привезла Сталину итальянский архив Горького, в котором содержалась переписка Горького с Бухариным, Рыковым и другими советскими деятелями, которые, вырываясь из СССР в командировки, засыпали Горького письмами о злодеяниях «самого мудрого и великого». И именно она, по ряду сведений, поднесла болевшему Горькому стакан со смертельным ядом.

Но это будет спустя два года после съезда. Председательствуя на съезде, Горький в конце вступительного доклада чётко формулирует цель нового союза: «Нам необходимо знать всё, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как всё это освещается учением Маркса-Ленина-Сталина и как это реализуется трудом на фабриках и на полях... Вот какова, на мой взгляд, задача союза литераторов...» (бурные аплодисменты; зал стоя приветствует...). Напишем историю заново.

Доклад о детской литературе делал Маршак, будущий лауреат четырёх Сталинских и Ленинской премии. Некоторые сведения из Еврейской энциклопедии, размещенной в Интернете. Маршак Самуил Яковлевич (1887, Воронеж, – 1964, Москва), русский поэт. Семья вела свой род от известного талмудиста Ахарона Шмуэля бен Исраэля Койдановера (1614 – около 1676). От аббревиатуры его имени возникла фамилия Маршак. Родители поэта строго придерживались еврейских традиций. В детстве, живя у дедушки в Витебске, Маршак освоил основы иврита. Учился в гимназиях разных городов (не закончил). Рано начал писать сти-

хи. Первые опубликованные им произведения, посвящённые памяти Т. Герцля, появились в 1904 г. в петербургском ежемесячнике «Еврейская жизнь» (№ 6, 8). В 1904–1906 гг. Маршак жил в семье М. Горького в Ялте, где сблизился с еврейской молодежью. В журнале «Молодая Иудея» (Ялта, 1905–1906) Маршак напечатал много стихов на еврейские темы, переводы с идиш, а также публицистические статьи. По возвращении в Петербург в журналах «Еврейская жизнь» и «Еврейский мир» был помещён ряд его стихотворений на библейские и национальные темы. В 1911 г. Маршак совершил путешествие в Эрец-Исраэль и Сирию. Лирические стихи, навеянные встречей с возрождаемой землёй предков, принадлежат к числу наиболее удачных в творчестве молодого Маршака. В 1912–14 гг. он жил в Англии, где слушал лекции на факультете искусства Лондонского университета и глубоко заинтересовался английской литературой, переводами из которой много занимался в последующие годы. В 1917–18 гг. Маршак участвовал в сборниках сионистского издательства «Сафрут», в том числе в «Еврейской антологии», где были опубликованы его переводы с иврита.

Обращение Маршака к еврейской тематике частично связано с влиянием В. Стасова: в одном из его писем к тогда ещё юному поэту мы читаем: «ты никогда не предашь своей веры, какие бы ни были события, обстоятельства, люди и отношения». Надо отметить, что эти слова оказались пророческими.

С 1923 г. Маршак начал публиковать стихи для детей. В 1924 г. назначен руководителем детского отдела Госиздата в Ленинграде. Ни в коей мере не ставя под сомнения талант Маршака как поэта, более того, стихи Маршака на еврейские темы представляются мне великолепными, выбор этой кандидатуры для руководства детской литературой в России можно объяснить всё теми же причинами – ненавистью к православной культуре. Повлияла и поддержка Горького, назвавшего Маршака «основоположником детской литературы у нас». Тема Горький и Православие не нуждается в комментариях – это антиподы.

Касаясь ситуации в детской литературе послереволюционных лет, Маршак с насмешкой говорит об исчезновении солидных издательств, выпускавших «институтские» повести. И конкретно о Чарской: «... ещё живы (...) и даже не успели состариться (...) беллетристы во главе с весьма популярной поставщицей истерично-сентиментальных институтских повестей Лидией Чарской»⁵.

⁵ С. Маршак, 1971, с. 560, 561.

Цитата под стать приговорам революционного трибунала: приклеить ярлык лидера удобно, так как это придавало деятельности определённый партийный оттенок, что в 1920-е гг. сразу же маркировало человека как врага народа. Запрет на профессию, а писательство было практически единственным способом для Лидии Чарской заработать на жизнь, сразу поставил её на грань голодной смерти. Попытки Чарской опубликовать что-нибудь под псевдонимом пресекались тем же заведующим детским отдела Госиздата. Когда она в 20-х годах принесла в редакцию рассказ «Пров – рыболов», Маршак заявил: «Я убедился, что и в этом новом рассказе “сквозит” прежняя Лидия Чарская»⁶.

Было, конечно, известно, что дети любят её книги и тайком продолжают их читать. На Первом съезде Союза писателей СССР Маршак признаёт, что «...Убить Чарскую, несмотря на её женственность и мнимую воздушность было не так-то легко. Ведь она до сих пор продолжает (...) жить в детской среде, хотя и на подпольном положении. Но революция нанесла ей сокрушительный удар. Одновременно с институтскими повестями исчезли с поверхности нашей земли и святочные рассказы, и стихи к “светлому” празднику».

Интересно, что на съезде главным подсудимым по линии взрослой литературы оказался, конечно, Ф.М. Достоевский. Партийную линию, с присущей ему скрытой иронией, выразил один из талантливых литераторов того времени, В. Шкловский. Цитата из его выступления на съезде: «Достоевского нельзя понять вне революции и нельзя понять иначе как изменника... если бы сюда пришел Фёдор Михайлович, то мы могли бы его судить как наследники человечества, как люди, которые судят изменника...». Да, гений и злодейство – вещи несовместные.

После революции Чарскую больше не печатали, она лишилась средств к существованию. Жила с мужем на Разъезжей улице, д. 7, в крошечной двухкомнатной квартирке, куда поднимались по чёрной лестнице. Её второй муж, Владимир Николаевич, заболел туберкулёзом и скончался раньше Чарской. Видимо, ей не была известна судьба сына, воевавшего в армии Колчака, да и узнавать об этом было опасно.

Скончалась Лидия Алексеевна Чарская в полной нищете 18 марта 1937 года и похоронена на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга. В последний путь её проводили фольклористка О. Капица, русский писатель М. Зощенко и его жена Вера Влади-

⁶ Там же.

мировна, очень любившая книги Чарской. Соседи воспринимали Чарскую глубокой старухой, а ей было лишь немного за шестьдесят. Обнаружили её тело, спустя несколько дней после смерти, в квартире не было ровно ничего, а на рваных обоях записан телефон – телефон Михаила Зощенко.

Казалось, с её смертью детская литература страны Советов окончательно очистилась от вредоносных вирусов Чарской. Вычеркнули и забыли. Но реальность оказалась иной. Наверное, самая искренняя поэтесса военных и послевоенных лет, Юлия Друнина писала: «Есть, по-видимому, в Чарской, в её восторженных юных героинях нечто такое светлое, благородное, чистое, что (...) воспитывает самые высокие понятия о дружбе, верности и чести... В 41-м в военкомат меня привёл не только Павел Корчагин, но и княжна Джаваха (...)»⁷. О творчестве Чарской высоко отзывались Л. Пантелеев, Вера Панова, Борис Васильев. Одной из героинь Чарской посвятила стихотворение юная Марина Цветаева:

*Она была лицом и духом
Во всем джигитка и княжна.*

В годы большевистского правления книги Чарской сохранялись в домашних библиотеках, их давали читать близким друзьям.

Прошло более ста лет со времени появления Л. Чарской в литературе. С начала 1990-х гг., когда имя писательницы вышло из небытия, интерес к её творчеству стремительно растёт. Печатаются её книги, предпринята попытка издания полного собрания сочинений, появились статьи, доклады, диссертации. Для общества всё более становится актуальным сохранение наиболее ценных человеческих качеств: веры, любви, доброты, благодарности, милосердия.

«Художественный мир Чарской существует по законам доброты и любви. Страдание в нём не может быть долговременным. Чарская милосердна к своим героям и к своим читателям, (...) и стремится оставить жизнеутверждающее впечатление в сердцах»⁸.

Насколько же эти идеалы были далеки от идеалов большевизма! По словам И. Ильина: «Доктрина эта состоит в принципиальной отрицании всего, что не материально: человеческой души с её свободой и бессмертием; человеческой духовности и вырастающей из неё внутренней и внешней культуры; высших целей, при-

⁷ Ю. Друнина, 1989, с. 277–279.

⁸ Шацкий, 2010.

Могила Л. Чарской на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга

сущих человеку, высшего смысла, присущего миру; и особенно – в отрицании Бога, веры в него, религии и церкви. Кроме материи, тела и телесных потребностей для неё якобы ничего нет. Человек есть высшее животное, которое произошло от человекообразной обезьяны и отличается от неё разве что употреблением орудий труда и ведением хозяйства»⁹. Когда прошло больше столетия после октябрьского переворота, положившего начало трагедии русского народа, уместно вспомнить слова митрополита РПЦЗ Виталия:

«Напрасны будут преследования преступлений, совершаемых делом, когда будут оставаться безнаказанными преступления мысли, служащие источниками первых».

Наш долг – тщательное изучение причин и следствий произошедшего с нашей страной столетие назад, возвращение к исторической миссии России. Поэтому произведения Л. Чарской, пропитанные идеалами добра, будут всегда востребованы временем. Она всю жизнь бескомпромиссно хранила верность этим идеалам и ушла непобеждённой.

Санкт-Петербург

⁹ Ильин И.А. «О большевизме и коммунизме».